

P
36048

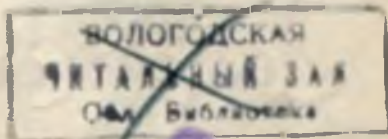

СТУЧНАЯ

Россиа. При одном этом имени как-то вдруг пропадает великий и наш великий, раздвигается дальше его кругозор, — все становится в него шире и он сам как бы облекается величием, становится превыше обыкновенного человека. Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству.

Н. ГОГОЛЬ

избранные

стихи

родные
русских

поэтов

от

Ломоносова

до

Маяковского

СТЧИЗНА

36048

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Общ. Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦН ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

1944

0-88+русск.

Составили
Б. АНИБАЛ
и
Б. ЕВГЕНЬЕВ

●
Под редакцией
и с вступительной
статьей
профессора
И. Н. РОЗАНОВА

●
Обложка,
титульные страницы,
инициалы по рисункам
художника
Н. А. СЕДЕЛЬНИКОВА

РОДИНА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

любовь к родине свойственна каждому человеку. С годами, когда все более и более накапливается «привычек бытия», это чувство растет и крепнет. Оно может долгое время быть мало осознанным и не заявлять о себе, пока не подвергнется серьезному испытанию. Таким испытанием чаще всего бывает военная опасность, нависшая над отечеством, или разлука с родиной.

Мягкость или суровость климата, благодатная или скудная природа — эти различия не играют существенной роли в

чувстве любви к родине. Родину любят не за красоту. Поэт Некрасов, посланный врачами в теплый климат, за границу, в Италию скучал о сыром Петербурге! И Некрасов был счастлив, очутившись по возвращении в Россию среди русской природы «Спасибо, сторона родная, за твой врачующий простор, — писал он в поэме «Тишина». — За дальним Средиземным морем, под небом ярче твоего, искал я примиренья с горем, и не нашел я ничего!.. Но ты дохнула — и сумею, быть может, выдержать борьбу!» И в свою бытность в Италии Некрасов писал стихи не об Италии, а о России!

«Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал».

Поэты нередко сравнивают отношение к родине с любовью к любимой женщине или к жене (Гребенка, Блок и др.), но в сознании широких народных масс основным является сравнение с сыновним чувством. В этом убеждает нас и лингвистика, самое происхождение таких слов, как «родина», «отечество», «отчизна». В русской народной поэзии, так же как и у поэтов, близких к народу, обычна связь представлений о родине с отношением к матери: «матушка-Москва», «Волга-матушка». «Родина-мать! по равнинам твоим я не ездил еще с чувством таким», восклицал Некрасов.

Сознание изобилия природных богатств

родины, а также ее силы и могущества, естественно, должно рождать вполне законное чувство гордости за родину. Сознание же ее недостатков, свойственных во многих отношениях дореволюционной Руси, как, например, казюкрадство, произвол властей, бесправное положение масс и т. д., порождало у лучших русских людей желание не замалчивать, а открыто заявлять об этих недостатках, вскрывать их, чтобы найти пути к лучшей жизни. Обычно все это связывается с глубокой верой в светлое будущее родной земли. Например, у поэта Н. Огарева:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие,
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Мысль о необъятности родины проходит по всей русской поэзии, начиная с Ломоносова, у которого Россия «конца не зрит своей державы», ноги простерла «до хингов», то есть до Китая, «возлегли локтем на Кавказ», и кончая известными стихами В. Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная». С этой мыслью о необъятности естественно связывается мысль о неисчерпаемости природных богатств России, о народах, ее населяющих, об исторических судьбах русского народа и о великих гря-

ущих возможностях. Патриотизм всегда аходил себе обильную пищу и в созерцании настоящего, и в оглядке на славное минувшее, и в надеждах на светлое будущее.

Памятники далекого прошлого напоминают нам о нашей связи с предками, утверждают нас в гордом убеждении, что мы здесь не случайные пришельцы, не гости, а издавна хозяева этой земли, что мы умели строить наше государство и защищать его от врагов. Вид московского Кремля сразу напоминает и о нашествии поляков в 1612 году и о нашествии Наполеона в 1812 году.

Воспоминания о славном прошлом, о славе, храбрости, самоотверженности предков — великая движущая сила для потомков. Эти воспоминания имеют огромное воспитательное значение. «Дух отцов воскрес в сынах», говорит Жуковский в своем «Певце во стане русских воинов», написанном накануне боя.

Есть латинская пословица, — в переводе на русский язык она звучит так: «Когда гремит оружие, музы молчат». Это неверно. Любовь к родине живет в каждом человеке и в мирное время, находя свое отражение в творчестве поэтов. Но когда над родиной нависает военная угроза, когда весь народ поднимается, как один, на защиту родной земли от врага, тогда голоса поэтов-патриотов звучат с особенной

силой, скликая воинов на бой, пробуждая в сердцах людей еще большую любовь к родине, воспевая доблесть и мужество ее защитников.

Так было в русской дореволюционной поэзии каждый раз, когда русскому народу приходилось отражать натиск чужеземных захватчиков — в годы Великой Северной войны (1700—1721), в годы Отечественной войны 1812 года, во время Севастопольской кампании (1853—1855) и в войну 1914—1918 годов. Стихотворные отклики на первую из них начались с современников Петра (Феофана Прокоповича, Дмитрия Ростовского и др.) и продолжались более ста лет, вплоть до Пушкина, в поэмах которого исторический смысл Великой Северной войны выразился с предельной отчетливостью. Истинно народная война 1812 года породила могучий подъем патриотизма. Ни одна из дореволюционных войн не вызвала столько ярких стихотворных откликов у современных поэтов и столько высокоталантливых отражений в творчестве позднейших писателей, как эта борьба русского народа с нашествием «двунадесяти языков». Достаточно назвать «Войну и мир» Толстого и «Бородино» Лермонтова. У современников событий 1812 года наибольший успех имел «Певец во стане русских воинов» Жуковского.

Когда Языков прочел Пушкину строфу
из своего послания «Денису Давыдову»:

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья!
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер! —

Пушкин, который, по словам Гоголя, никогда в жизни не плакал, был этими строками взволнован до слез. Выражение «пламень очищенья» можно понимать в разных смыслах. Несомненным следствием пробуждения национального сознания оказалось движение декабристов. В «Думах» Рылеева, в стихах Александра Одоевского, молодого Языкова патриотизм принял новую форму и содержание. Обращаясь памятью и воображением ко времени Мамаея и Дмитрия Донского, поэты в слово «свобода» влагали двойной смысл: не только свобода от иноземного ига, но и политическая свобода граждан. Появляется слово «тиран». Читатели-единомышленники, настроенные декабристски, умели читать между строк: «тираном» в их глазах был

и император Александр I, прославленный как освободитель Европы. После разгрома декабристов, явившегося прямым следствием оторванности кучки передовой интеллигенции от широких народных масс, усиливается и углубляется интерес к народу. Это мы видим у поэтов поколения Лермонтова. И Огарев, и Ростопчина в своих стихах обращаются со своими пожеланиями не к правителям, как это было у Ломоносова и Державина (по мнению Державина, назначение поэта — «беседовать с царями», раскрывать им глаза, «истину с улыбкой говорить»), а к русскому народу. Наиболее сильно это выражено у Лермонтова («Родина», «Бородино»).

Крымская кампания 1853—1855 годов была вторичным «пламенем очищения». Вскрылась вся гниль помещичьей бюрократической системы. Жертвы, принесенные севастопольцами, оказались не напрасны. Начался короткий период реформ. Лучшие отклики на крымскую кампанию принадлежали поэтам Тютчеву, Некрасову, Фету, Апухтину.

Наконец, мировая война 1914—1918 годов получила свое отражение в русской поэзии постановкой вопросов о роли русского народа в мировой истории, о ценности русской культуры — той культуры, которая дала миру Пушкина, Толстого, Достоевского.

И Брюсов, и Блок, и Сологуб предчувствовали близость революции.

Заря гражданственности новой
Над нами в небесах горит, —

писал Ф. Сологуб.

Тема родины распадается на ряд частных тем и в том или другом виде разрабатывалась почти всеми нашими поэтами, начиная от классиков и кончая такими, которые и при жизни никому не были известны.

Собрание всех патриотических стихотворений, даже при качественном их отборе, заняло бы много томов.

По недостатку места и обширности темы и при стремлении в то же время показать все наиболее яркое и доходчивое некоторые произведения в этом сборнике пришлось дать в отрывках.

Составители сборника расположили свой материал в порядке последовательности поколений — от Ломоносова до Маяковского. Это дает возможность наметить эволюцию темы родины в русской поэзии. Достоинно внимания, что Ломоносов и Маяковский кое в чем перекликаются между собой. Это прежде всего общегосударствен-

ная точка зрения. И Ломоносов и Маяковский стоят в начале большого пути строительства новой культуры. Они сознают родину молодой, и все их мечты устремлены в будущее. Ломоносов ожидает «собственных Невтонов и Платонов». Маяковский говорит: «Отечество славлю, которое есть, но трижды, которое будет». Разве под этими словами не мог бы подписаться Ломоносов? Так же близко было бы Ломоносову и пожелание в заключительных строках сборника:

Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

Русская стихотворная речь в XVIII веке резко отличается от современной. Поэтика того времени требовала, чтобы в высоком стиле встречались слова сугубо книжные, не бытующие в живой разговорной речи, и чтобы расположение слов было не совсем обычным. Это может затруднить читателям восприятие некоторых мест из Ломоносова, Державина, Радищева. Но, преодолев эти внешние условности поэтического языка, легко убедиться, что любовь к родине проходит через всю русскую поэзию, что

чувство горячей преданности и самоотверженности, чувство гордости за ее славные традиции и решимость не отставать от героев прошлого лежат в основе всех русских стихов о родине.

В заключение укажу на актуальность представленного в сборнике материала. Почти каждое из стихотворений чем-нибудь перекликается с переживаниями нашего народа на фронте или в тылу во время Отечественной войны с немецкими захватчиками. И возмущение внезапным и вероломным вторжением врага в нашу мирную страну — более внезапным и вероломным, чем было вторжение Наполеона, — и жажда мщения за пожары сел и городов, за гибель сотен тысяч русских людей, и потребность отстоять русскую культуру от посягательств на ее уничтожение, наконец сознание опасности для самого существования родины — все, что волнует нас, современников Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, волновало поэтов — патриотов нашего прошлого.

В памяти русского народа, готового до последней капли крови защищать священную русскую землю от гитлеровских пол-

чищ, вновь ожили образы и Димитрия Донского, и Минина, и Суворова, и Кутузова. И русская поэзия вновь служит великому делу защиты родины.

Бывало мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы ..

И отзвук мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных...

Так и теперь. Наши поэты с начала войны поняли свое призвание «воспламенять бойца на битву». Но ожили не только прежние славные имена, появились тысячи новых героев, и не только новые стихи воодушевляют бойцов наших: по-новому были осмыслены и гораздо громче, чем когда-либо, зазвучали некоторые старые стихи. Лермонтовское «Бородино» впервые появилось в печати в 1837 году, а через сто с лишком лет, в конце 1941 года, стихотворение это стало самым нужным, самым популярным, самым актуальным. «Ребята, не Москва ль за нами!.. Умремте ж под Москвой» — эти строки во время ноябрьского наступления немецко-фашистских орд можно было видеть всюду на уличных плакатах Москвы; с ними наши бойцы шли в бой, с ними отстояли Москву.

И сколько истинного героизма проявлено было за время этой войны! Те из нас.

кому суждено будет надолго ее пережить, будут иметь полное право, рассказывая детям про то, что пережито было нами, сказать:

«Да, были люди в наше время!»

Ив. Розанов

М. ЛОМОНОСОВ
(1711 — 1765)

36048
...О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне, ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать...

*Отрывок из оды „На день
восшествия на Всероссийский
престол Ее Величества Го-
сударыни Императрицы Ели-
саветы Петровны, 1747 года“*

...Коль ныне радостна Россия?
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы;
Гремящей насыщена славы,
Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас,
Веселый взор свой обращает,
И вокруг довольства исчисляет,
Возлеги локтем на Кавказ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов,
Се знойные Ирански бреги,
Где, варварски презрев набег,
Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину Азии достигнул,
Свои знамена там воздвигнул,
Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей:
Едва покров себе имея,
Смеются лютоści Борея;
Чудовищам дерзают вслед,
Где верьх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морского, жед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где Готф гордящийся упал
С торжественных колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и Саксонов пленных
И двигал в мыслях вознесенных
Одной вселенную рукой.
Но пал, и звук его достигнул
Во все страны и страхом двигнул
С Дунайской Вислу быстринной.

В стенах Петровых протекает,
Полна веселья, там Нева,
Златой порфирию блистает,
Покрыта лаврами, глава...

*Отрывки из оды „На день
возшествия на Всероссийский
престол Ее Величества Го-
сударыни Императрицы Ели-
саветы Петровны, 1748 года“.*

... Парящей слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль смотря на рок Саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем!
Лишенный собственная власти,
Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

.....
.....
Где ныне Королевско слово,
Что страшно воинство готово
На Запад путь наш прекратить?
Уже окровавленна Прегла,
Крутясь, с твоей земли пробегла
Российску силу возвестить.

Там Мемель в виде Фаетонта,
Стремглав летя, Нимф прослезил,
В янтарного заливах Понта
Мечтанье в правду претворил.
За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близ гремя, трясут...

*Отрывки из оды „На день
тезоименитства Государыни
Императрицы Алигветы
Петровны, Сентября 5 дня,
1759 г., и на победы Ее, в сем
году над Королем Прусским
одержанные“.*

Г. ДЕРЖАВИН
(1743 — 1816)

... Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О Росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель,
Лишь твой Орел луну затмил.

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать;
Поляк, Турк, Перс, Прусс, Хин и Шведы
Тому примеры могут дать.
Но тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель:
Свое лишь только возвратил.

О кровь Славян! сын предков славных,
Несокрушаемый колосс,
Кому в величестве нет равных,
Взросший на полсвета Росс!

• • • • •
• • • • •

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет:
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь прольется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

*Отрывки из стихотворе-
ния „На взятие Измаила“.*

1790

О русска грудь неколебима!
Твердейшая горы стена,
Скорей ты ляжешь трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена.
Не раз в огнях, в громах, средь бою,
В крови тонувши ты своей,
Примеры подала собою,
Что Россов в свете нет храбрей...

• • • • •
• • • • •

А вы, лишившиеся бранью
Отцов, супругов, братьев, чад,
Гордитесь той бесценной данью,
Что вам любезны кости спят
На поле незабвенных боев. —
Кто не умрет? — смерть всех сразит;
Но термопильских дух героев
Живет поныне, — Леонид...

*Отрывки из оды „На мир
1807 года“.*

1807

...Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край Росса весь;
Но, буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?

.....
О Росс! о доблестный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неустомимый,
По духу ты непобедимый.

По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр...

...Красуйся ж и ликуй, герой,
Что в нынешнем ты страшном бедстве
В себе и всем твоим наследстве
Дал свету дух твой знать прямой!..

*Отрывки из стихотворения
„Гимн лиро-эпический на
прогнание французов из оте-
чества“.*

А. РАДИЩЕВ

(1749 — 1802)

...На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны далеки,
В те я области обширны,
Что Понт черный облегают,
Протеку страны и веси...
Загляну я во Колхиду,
Землю страшну и волшебну...

Посещу я и Тавриду,
Где столь много всегда было
Превращений, оборотов,
Где кувыркались чредою:
Скифы, греки, генуезцы...

Из Тавриды в Таман прямо,
А с Тамана чрез Кавказски
Горы съеду я на Волгу...
Воздохну, что нет уж силы,
О Ермак, душа велика,
Петь дела твои! — — — Я с Волги
Перейду на Дон, где древле
(Так, как ныне) коней быстрых
Табуны паслися многи,
Где отечество удалых

Молодцов, что мы издавна
Называли казаками.

Сошед с Дона, к Ворисфену
Мы стопы свои направим.
Там Владимир, страны многи
Покорив своей державе,
В граде Киеве престольном
Княжил в блеске пышна сана
Над обширным царством русским,
Окружен всегда толпою
Славных рыцарей российских;
Он для памяти потомства
Живет в Несторе и в сказках.
О блажен, блажен сугубо!

Со Днепра пойдем к Дунаю...
От Дуная морем Черным
Поплывем ко Геллеспонту
И покажем ту дорогу,
По которой, плывши смело,
Войны росские возмогут,
Византии стен достигши,
На них твердо водрузити
Орлом славно русско знамя...

Из повести „Бова“.

1799

...О народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной;

Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже —
И пред их могущим взором,
Пред лицом их, озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства — — —

Из песни „Всеглас“.

И. КОЗЛОВ

(1779 — 1840)

СОН РАТНИКА

Подкопы взорваны — и башни вековые
С их дерзкою луной погибель облегла;
Пресекла в ужасе удары боевые
Осенней ночи мгла.

И в поле тишина меж русскими полками;
У ружей сомкнутых дымилися костры,
Во тьме бросая блеск багровыми струями
На белые шатры.

В раздумьи я смотрел на пламень
красноватый;
Мне раненых вдали был слышен тяжкий
стон;

Но, битвой утомясь, под буркою косматой
Уснул, — и вижу сон.

Мне снилось, что, простясь с военною
тревогой,

От тех кровавых мест, где буйство про-
текло,

Поспешно я иду знакомою дорогой
В родимое село.

Мне церковь сельская видна с горы
высокой,
И Клязьмы светлый ток в тени раки
густых,
И слышу песнь жнецов, и в стаде лай
далекий

Собак сторожевых.

Я к хижине сходил холмов с крутого
ската,

Разлуки тайный страх надеждой веселя,—
И дряхлый мой отец, тотчас узнав солдата,
Вскочил без костыля.

В слезах моя жена мне кинулась на шею,
Мила, как в день венца, и сердцу, и очам;
Малютки резвые бегут ко мне за нею;
Сосед пришел к друзьям.

«Клянусь, — я говорил, склонен на то
родными, —

Теперь я к вам пришел на долгое житье!»
И дети обвили цветками полевыми
И штык мой, и ружье.

Я милых обнимал... но пушка вестовая
Сон тихий прервала, и в сечу мне лететь!
И к Варне понеслась дружина удалая...
Иль там мне умереть?

В. ЖУКОВСКИЙ

(1783 — 1852)

...Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могучих нет;
Уж нег вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиной.
«Погибнем! Мертвым срама нет!»
Гремит перед дружиной.

И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.
И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца снесь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! Твой конь и всадник пал;
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов!
Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?..

. . . . .
. . . . .

Сей кубок ратным и вождем!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам,
Там дружество без лести...

. . . . .
. . . . .

Тот наш, кто первый в бой летит,
На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.

О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом,
И сколь врагу ужасен!
О, диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могучий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины...

.....

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны!
Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью...

.....

Хвала, наш вихорь-атаман;
Вождь неведимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;

Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

. . . . .

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров
И летом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов,
Сквозь дым и огонь, по грудам тел
В среду врагов Кайсаров...

. . . . .

Сей кубок мщенью! Други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасты! — наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложения!
Сокровищ нет у нас в домах!
Там стрелы и кольчуги;
Мы села в пепел! грады в прах!
В мечи — серпы и плуги!

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С Кремлевския вершины.
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и все восплешет!
И в прах падут с своим царем!...»
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщенье Москву:
Вспылала пред врагами,
И грянулась на их главу
Губящими стенами...

*Из стихотворения
„Певец во стане русских воинов“.*

1812

РУССКАЯ СЛАВА

Святая Русь, славян могучий род,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Каким путем пробился твой народ!
В каких боях твоя созрела слава!
Призвал варяга славянин;
Пошли гулять их буйны рати;
Кругом руля полночных братий
Взревел испуганный Эвксин...
Но вышел Святославов сын
И поднял знамя благодати.

Была пора: губительный раздор
Везде летал с хоругвию кровавой;
За ним вослед бежали глад и мор;
Разбой, грабеж и мщенье были славой;

От русских русских кровь текла;
Губил половчанин без страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бедою поросла...
Но Русь в беде крепка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: татарин злой шагнул
Через рубеж хранительный Волги;
Погибло все; народ, терпя, согнул
Главу под стыд, мучительный и долгий!
Бесчестным Русь давя ярмом,
Баскак носился в край из края;
Катилась в прах глава святая
Князей под ханским топором...
Но встала Русь перед врагом,
И битва грянула Донская.

Была пора: коварный, вражий лях
На русский трон накликал Самозванца;
Заграбил все; и Русь в его цепях
В цари позвать дерзнула чужестранца.
Зачахла русская земля;
Ей лях напомнил плен татарский;
И брошен был венец наш царский
К ногам презренным короля...
Но крикнул Минин, и с Кремля
Их опрокинул князь Пожарский.

Была пора: привел к нам рати швед;
Пред горстью их бежали мы толпами;
Жестка далась наука нам побед:
Купили их мы нашими костями.

То трудная была пора.
Пришлец и бунтовщик лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Из рук могучего Петра.
Но дало русское «ура!»
Ответ им с пушками Полтавы.

Была пора: Екатеринин век.
В нем ожила вся древней Руси слава,
Те дни, когда громил Царьград Олег
И выл Дунай под лодкой Святослава.

Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во главе Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
От Запада узрели мы Батыя;
Народов тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родные...

• • • • •

Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорелася Москва,
И нет следов Наполеона...

Д. ДАВЫДОВ
(1784 — 1839)

ОТВЕТ

Я не поэт, я — партизан, казак.
И иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу
и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запевало!

1826

ПЕСНЯ

... За тебя на чорта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на чорта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!..

1815

ПАРТИЗАН

Отрывок

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою

Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской.
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет — вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный,
Его любовь — кровавый бэй,
Родня — Донцы, друг — конь надежный.
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушами,
То фыркает, то удил просит.

Еще их скок приметен был
На высях, за преградной Нарой,

Златимых отблеском пожара.
Но скоро буйный рой за высь пере-
катил,
И скоро след его простыл...

• • • • •
• • • • •
• • • • •

Ф. ГЛИНКА
(1788 — 1880)

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка-Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто царь-колокол подымет?
Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе, —
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

...И двадцать шло на нас народов,
Но Русь управилась с гостями:
Их кровь замыла след походов,
Поля белелись их костями.

Но год двенадцатый не сказки,
И Запад видел не во сне,
Как двадцати народов каски
Валялися в Бородине.

И видел, что коня степного
На Сену пить водил Калмык
И в Тюльери у часового
Сиял, как дома, Русский штык!..

И сын пределов Енисейских
Или Придонский наш Казак
В полях роскошных Елисейских
Походный ставил свой бивак...

*Отрывки из стихотворения
„Ура!“*

К. БАТЮШКОВ
(1787 — 1855)

К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,

Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касались их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —

Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести

За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

1813

Меж тем как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глощает хладную струю
И грудь усталую в бою
Желанной влагой обновляет...

О радости! я стою при реинских водах!
И жадные с холмов в окрестность бросаю
взоры,

Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминая древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Рейн величавый!

Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священные, Рейн, воды...

...И час судьбы настал! Мы здесь, сыны
снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и
громами!..

Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

...Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь
блеск мечей!

Ты слышишь шум полков и новых коней
ржанье,

Ура победы и зыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставля дол зыбучий...

Из стихотворения „Переход через Рейн. 1814“. Помещено в журнале „Русский вестник“ № 5 1817 года.

И. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792 — 1878)

СТЕПЬ

Бесконечная Россия,
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит.
Словно огненное море,
Зноем пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнет на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.

Небеса, как купол медной,
Раскалились. Степь гола;

Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед;
Добрый друг семьи убогой,
Он хранит ее от бед.

Шагом с важностью спокойной
Тащут тяжести волю;
Пыль метет метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Как разбитые палатки
На распутии племен, —
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времен.

Пусто все, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь;
От нее в душе согретою
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Все же вам и песнь, и честь,
Все вы — матушка Россия,
Какова она ни есть!

МАСЛЯНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Здравствуй, в белом сарафане
Из серебряной парчи!
На тебе горят алмазы
Словно яркие лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свежей прелестью лица
Пробуждаешь к чувствам новым
Усыпленные сердца.

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!

Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?

Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру:
Нет приличного приема,
И народ не на юру.

Чем твою мы милость встретим?
Как задать здесь пир горой?
Не сумеь им, немцам этим,
Поздороваться с тобой.

Не напрасно дедов слово
Затвердил народный ум:
«Что для русского здорово,
То для немца карачун».

Нам не страшен снег суровый,
С снегом — батюшка-мороз,
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз.

Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава
Молодецкая зима!

Скоро масленицы бойкой
Закипит широкий пир;
И блинами и настойкой
Закутит крещеный мир.

В честь тебе и ей, Россия,
Православных предков дочь,
Строят горы ледяные
И гуляет день и ночь.

Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца.

Вот взвились и полетели,
Что твой сокол в облаках!
Красота ямской артели
Вожжи ловко сжал в руках.

В шапке, в синем полушубке
Так и смотрит молодцом.
Погоняет закадычных
Свистом, ласковым словцом.

Мать дородная в шубейке
Важно в розвальнях сидит.
Дочка рядом в душегрейке
Словно маков цвет горит.

Яркой пылью иней сыплет
И одежду серебрит,
А мороз, лаская, щиплет
Нежный бархатец лазит.

И белее, и румяней,
Дева блещет красотой,
Как алеет на поляне
Снег под утренней зарей.

Мчатся вихрем без помехи
По полям и по рекам.
Звонко щелкают орехи
На веселие зубкам.

Пряник, мой однофамилец,
Также тут не позабыт.
А наш пенник, наш кормилец,
Сердце любо веселит.

Разгулялись город, села,
Загуляли стар и млад:
Всем зима родная гостья,
Каждый маслянице рад.

Нет конца веселым кликам,
Песням, удали, пирам.
Где тут немцам-горемыкам
Вторить вам, богатырям?

Сани здесь — подобной дряни
Не видал я на веку:
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку.

Нет, красавица, не место
Здесь тебе, не обиход.
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ.

Чем почтят тебя, сударку?
Разве кружкою пивной,
Да копеечной сигаркой,
Да копченой колбасой.

С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо.
То ли дело, как прогреет
Наше рьяное винцо.

Как шепнет оно в догадку
Ретивому на ушко. —
Не споет, ей-ей, так сладко
Хоть бы вдовушка Клико!

Выпьет чарку-чародейку
Забубенный наш земляк;
Жизнь копейка! — смерть-злодейку
Он считает за пустяк.

Немец к мудрецам причислен,
Немец дёка для всего.
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него.

Но по нашему покрою,
Если немца взять врасплох,
А особенно зимою, —
Немец, воля ваша, плох.

К. РЫЛЕЕВ

(1795 — 1826)

...Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу,
Против тиранов лютых тверд.
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчины,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.

Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:
Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной,
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.

Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках...

1822

*Из стихотворения „Волж-
ский“.*

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Гуда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразив моголов, и, как бремя,
Ярмо Мамайя сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел

И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон! — вскричали войски. —
За вольность, правду и закон!»
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся, полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и берега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, доли, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут, как мрачные дубравы, —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы, —
И закипел кровавый бой!..

. . . . .

Повсюду хлещет кровь ручьями:
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол.
Тут слышен копий треск и звуки,

Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов:
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

А. ПУШКИН

(1799 — 1837)

...О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу пахищали.
Их смелым подвигам страшась дивился
мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.
И Ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы войны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой
длани
Коварством, дерзостью венчанного царя.
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой
брани
Зарделась грозная заря.
И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.

Пред ними мрачна степь лежит во сне
глубоком,

Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
И сады дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных соединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно,
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. Идут в дали
туманной...

Звучат кольчуги и мечи!
Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад: летят на
дерзновенных.
Сердца их мщеньем возжены...

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл,
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал;
Но здесь его сразил воитель поседелый.
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы.
Увы! на башнях галл Кремля!..

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками
течь;
Бегут—и в тьме ночной их глад и
смерть сретают,
А с тыла гонит россов меч.
О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх, о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть
троны?
Исчез, как утром страшный сон!..
О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой
воспламененной,
Взгреми на арфе золотой.
Да снова стройный глас герою в честь
прольется,
И струны трепетны посыпят огонь в
сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Любви, надежды, тихой славы
 Не долго нежил нас обман,
 Исчезли юные забавы,
 Как сон, как утренний туман;
 Но в нас горят еще желанья,
 Под гнетом власти роковой
 Нетерпеливою душой
 Отчизны внемлем призыванья.
 Мы ждем с томленьем упованья
 Минуты вольности святой,
 Как ждет любовник молодой
 Минуту верного свиданья.
 Пока свободою горим,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой друг, отчизне посвятим
 Души прекрасные порывы.
 Товарищ, верь: взойдет она,
 Звезда пленительного счастья,
 Россия вспрянет ото сна,
 И на обломках самовластья
 Напишут наши имена!

1818

У лукоморья дуб зеленый;
 Златая цепь на дубе том:
 И днем и ночью кот ученый
 Все ходит по цепи кругом;

Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кашей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

...Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг...

...Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свишут пули;

Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах,
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит

И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки присмирив
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...

...И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.

Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...
...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Как роем черной саранчи...

1828

Из поэмы „Полтава“.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Вступление

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, толким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;

И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова,

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный.
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней

Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!..

1833

XXXVI

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг.
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

*Из седьмой главы „Евгения
Онегина“.*

И. ЯЗЫКОВ

(1803 — 1846)

...«Где твоя родина, певец молодой?» —
— Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит...
Там память героев, там край вдохновенный,
Там все, что мне мило, чем сердце горит;
Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!
«Кого же прославит певец молодой?» —
— Певца восхищают могучие деды;
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы.

. . . . .
. . . . .

«Но кто ж молодого певца наградит?» —
— Потомок героев, как предки, свободной,
Певец не унижит души благородной

От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков,
И взоры сверкают надеждой веселой!

1822

*Из стихотворения „Моя
родина“.*

БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ

при Димитрии Донском, прежде знаменитого
сражения при Непрядве

О бранный витязь! ты печален,
Один с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырасть на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.

И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братьий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом:
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножен:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани.
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов!
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

1823

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливой,
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов справедливо.
Грудь тебе перекрестил;
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами;
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был —
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась,
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!

Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья!
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли?
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,

У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты — их честь, пример и вождь —
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара,
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет золотая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

Ф. ТЮТЧЕВ

(1803 — 1873)

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон —
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон...

Осьмой уж месяц длятся эти битвы —
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в дому молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла...
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..

И этот клич сочувствия слепого —
Всемирный клик к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Все поднялось и все грозит тебе.

О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866 г.

СЛАВЯНАМ

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем».
— Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть — стена большая —
И вас нетрудно к ней прижать —
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга, —
Хоть и гранитная скала —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три —
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри.

Стоит она, как и стояла —
Твердыней смотрит боевой.

Она не то чтоб угрожала —
Но... каждый камень в ней живой...

— Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам —
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

1867

А. ПОЛЕЖАЕВ
(1805 — 1838)

ИВАН ВЕЛИКИЙ

Опять она, опять Москва!
Редает зыбкий пар тумана,
И засияла голова
И крест Великого Ивана!
Вот он — огромный Бриарей,
Отважно спорящий с Громами,
Но друг народа и царей
С своими ста колоколами!..
...И вас, Реншильд и Шлиппенбах,
Встречал привет его громовый,
Когда, с улыбкой на устах,
Влачились гордо вы в цепях
За колесницею Петровой!
Дела высокие славян,
Прекрасный век Семирамиды,
Герои Альпов и Тавриды —
Он был ваш верный Оссиан,
Звучней, чем Игорев Баян.
И он, супруг твой, Жозефина,
Железный волей и рукой,

На векового исполина
Взирал с невольною тоской!
Москва под игом супостата,
И ночь, и бунт, и Кремль в огне —
Нередко нового сармата
Смущали в грустной тишине.
Еще свободы ярый клики
Таила русская земля;
Но грозен был Иван Великий
Среди безмолвного Кремля;
И Святослава меч кровавый
Сверкнул над буйной головой,
И, избалованная славой,
Она склонилась величаво
Перед торжественной судьбой!..
Восстали царства; пламень брани
Под небом Африки угас,
И звучно, звучно с плеском дланей
Слился Ивана шумный глас!..
И где ж, когда в скрижаль отчизны
Не вписан доблестный Иван?
Всегда, везде без укоризны
Он русской правды, алкоран!..
Люблю его в войне и мире,
Люблю в обычной простоте
И в пышной пламенной порфире,
Во всей волшебной красоте,
Когда во дни воспоминаний
Событий древних и живых,
Среди щитов, огней, блистаний
Горит он в радугах цветных!..

1833

К. ПАВЛОВА

(1807 — 1894)

МОСКВА

День тихих грез, день серый и печальный,
На небе туч ненастливая мгла,
И в воздухе звон переливно-дальний,
Московский звон во все колокола.

И, вызванный мечтою самовластной,
Припомнился нежданно в этот час
Мне час другой,—тогда был вечер ясный,
И на коне я по полям неслась.

Быстрей! быстрей! И, у стремнины края
Остановив послушного коня,
Взглянула я в простор долин: пылая,
Касалось их уже светило дня.

И город там, палатный и соборный,
Раскинувшись широко в ширине,
Блистал внизу, как бы нерукотворный,
И что-то вдруг проснулось во мне.

Москва! Москва! Что в звуке этом?
Какой отзыв сердечный в нем?

Зачем так сроден он с поэтом?
Так властен он над мужиком?

Зачем сдается, что пред нами
В тебе вся Русь нас ждет любя?
Зачем блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Твои дворцы стоят унылы,
Твой блеск угас, твой глас утих,
И нет в тебе ни светской силы,
Ни громких дел, ни благ земных.

Какие ж тайные понятия
Там в сердце русском залегли,
Что простираются объятья,
Когда белеешь ты вдали?

Москва! В дни сража и печали
Храня священную любовь,
Недаром за тебя же дали
Мы нашу жизнь, мы нашу кровь.

Недаром в битве исполинской
Пришел народ сложить главу
И пал в равнине Бородинской,
Сказав: «Помилуй, бог, Москву!»

Благое было это семя,
Оно несет свой пышный цвет,
И сбережет младое племя
Отцовский дар, любви завет.

А. КОЛЬЦОВ
(1809 — 1842)

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

(Посвящена князю П. А. Вяземскому)

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга...

Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь, и лес,
Дорогая жизнь, весь белый снег!

Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:
Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты — сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманския!..

Уж когда мне, добру молодцу,
Присудил бог сложить голову, —
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить — сложу на груди тел..

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мне:
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

Е. РОСТОПЧИНА
(1811 — 1858)

**ПОСЕЩАЯ МОСКОВСКУЮ ОРУЖЕЙНУЮ
ПАЛАТУ**

„Да ныне имемся во едино
сердце и соблюдаем Русскую
землю“.

Нестор, Летопись, 1034.

Здесь много видим мы и редкостей
и славы,
Доспехов и держав, престолов и венцов;
Здесь Русская земля скрижалю величавой
Почтила подвиги исчезнувших веков.
Но больше всех венцов, престолов золотых,
Но больше всех кольчуг, доспехов
позлащенных,
И кубков дедовских, и чарок вековых,
И всех сокровищ, тут веками
взгроможденных, —
Мне люб здесь меч один, — меч бедный и
простой,

К борьбе привык ты с колыбели,
С морозом свыкся ты своим.
Зато и телом и душою
Ты в полном здравии цветешь,
Ты бодр, и крепок, и хорош;
Ты молодец, — и меж тобою
В миллионах труса не найдешь!

Ни диких хищников набеги,
Ни долгие князей борьбы,
Ни половцы, ни печенеги
Твоей не прервали судьбы.
Вотще Маман и Батыи
Воздвигли тьму несметных сил, —
Ты кровь свою ручьями лил,
Но одолел... и вражьи выи
Пятою мощной в прах сдавил!

Ты любишь избу родовую,
И сладок дым тебе ея;
Ты пашешь степь свою родную,
Где обжилась твоя семья;
И в тишине благословенной
Растет и множится твой род!
Единым духом вдохновенный,
Единым сердцем он живет!
Хоть три объемля материка
Твои рассыпаны сыны,
Но все святой Руси верны,
И все, от мала до велика,
Любовью к родине полны.

И. ОГАРЕВ

(1813 — 1877)

ПРОЩАНИЕ С КРАЕМ, ОТКУДА Я НЕ УЕЗЖАЛ

Прощай, прощай, моя Россия.
Еще недолго — и уж я
Перелечу в страны чужие,
В иные, светлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердца сладкие мгновенья,
За горький опыт, за тюрьму,
За благородные желанья,
За равнодушные людей,
За грусть души, за жажду знанья,
И за любовь, и за друзей, —
За все блаженство, все страданья;
Я все люблю, все святы мне
Твои, мой край, воспоминанья
В далекой будут стороне.
И о тебе не раз вздохну я,
Вернусь — и с теплою слезой
На небо серое взгляну я,
На степь под снежной пеленой.

1841

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Еще за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал,
И цепью нас одною рок связал, —
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов ^у делить с тобой,
И верю, что пробьюсь, как наш народ
родной,
В терпении и с твердостью многой,
На новый свет неведомой дорогой!

Из стихотворения „Год 1848“.

1848

ИСКАНДЕРУ

(1868 года)

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью
смежном, —
Всю жизнь мне все снова, и снова, и
снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,

Чтоб было мне можно, насколько есть
силы

С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:

Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос слышался мощный...

Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак
беспомощный,

Сквозь все завывания ветра ночного

Мне слышится с родины юное слово:

Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким

сомнением,

Как птица из клетки, простясь с заточеньем,

Взыграло впервые отрадным биеньем,

И как-то торжественно, весело, ново

Звучит теперь с детства знакомое слово:

Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,

Знакомое вижу лицо селянина,

Лицо бородатое, мощь исполина,

И он говорит мне, снимая оковы,

Мое неизменное, вечное слово:

Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода

И рук для борьбы захотела свобода, —

Сей час полечу на защиту народа,

И если паду я средь битвы суровой,

Скажу, умирая, могучее слово:

Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

1858

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны мы упования:
Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие,
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!
Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная!

1859

М. ЛЕРМОНТОВ
(1814 — 1841)

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ;
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын,
Как русский,—сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы!

Отрывок из поэмы „Сашка“.

1836

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратсья до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

1837

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать
в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

С отрадой многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.

А. ТОЛСТОЙ
(1817 — 1875)

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле!
В небе крик орлиных стай!
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
Ветер, степь да тучи!

...Смеется Владимир:—Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к Обдорам!

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь,
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает,—промолвил свет-солнышко князь:—
Неволя заставит пройти через грязь,
Купаться в ней — свиньи лишь могут!

Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою —
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда,
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

*Из стихотворения „Змей
Тугарик“.*

Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

И. НЕКРАСОВ

(1821 — 1877)

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все налившие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могиле виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгнуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только-то ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливой смотрит с небес.

Из повмы „Саши“.

1855

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

1856

...Не на коне, не за сохою, —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистой
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

.....
.....
Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
Но слаще северная выюта
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет...

Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокой,
«Теперь, — он говорил, — у нас,
На нашей родине далекой,
Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы,
Въезжая на гору, скрипит
Снопам полная телега:
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Темнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
Ложится пахарь без огня,
И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревень...

. . . . .
. . . . .

Родные русские картины!
Заснул, и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносил с чужбины
К забытой милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальней,
И на душе светлей, теплей...

Из поэмы „Несчастные“.

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но тыдохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою,
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски-чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,

И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиления,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимой,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Из стихотворения „Тишина“.

1857

...В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совість спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены:
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Ненсчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

*Из поэмы «Кому на Руси
жить хорошо».*

И. НИКИТИН

(1824 — 1861)

Есть сторона, где все благоухает;
Где ночь, как день безоблачный, сияет
Над зыбью вод, и моря вечный шум
Таинственно оковывает ум...

. . .

Но мне милей роскошной жизни Юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз и ветер, и грозный шум лесов,
Дремучий бор по скату берегов,
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами.
Глядишь кругом, — все сердцу говорит:
И деревень однообразный вид,
И городов обширные картины,
И снежные безлюдные равнины,
И удали размашистый разгул,
И русский дух, и русской песни гул,
То глубоко беспечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокруг — и на душе легко.
И зреет мысль так вольно, широко,

И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! Здесь край моих отцов!»

1851

Из стихотворения „Юг и север“.

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цени гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,

Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалась,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

. . . . .
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир,

И в глухих степях
Под сугробами
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,

И лежат в земле
Груды золота,

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851

*Воздадим хвалу Русской
земле. (Сказание о Мамае-
вом побоище.)*

Уж как был молодец —
Илья Муромец,
Сидел сиднем Илья
Ровно тридцать лет, —

На тугой лук стрелы
Не накладывал,
Богатырской руки
Не показывал.

Как проведаль он тут,
Долго сидючи,

О лихом Соловье
О разбойнике, —

Снарядил в путь коня:
Его первый скок
Был пять верст, а другой —
Пропал из виду.

По коню был седок:
К князю в Киев-град
Он привез Соловья
В тороках живьем.

Вот таков-то народ
Руси-матушки!
Он, без нужды, не вдруг
С места тронется:

Не привык богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удалством,
Умом-разумом;

Уж зато кто на брань
Сам напросится,
За живое его
Тронет не в пору, —

Прочь раздумье и лень!
После отдыха
Он, как буря, встает
Против недруга!

И поднимется клич
С отголосками,

Словно гром загремит
С перекатами.

И за тысячи верст
Люд откликнется,
И пойдет по Руси
Гул без умолку.

Тогда всё трын-трава
Бойцу смелому:
На куски его режь —
Не поморщится.

Эх, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебе знать
Неги-роскоши!

Под грозой ты росла
Да под выюгами,
Буйный ветер тебя
Убаюкивал;

Умывал белый снег
Лицо полное,
Холод щеки твои
Подрумянивал.

Много видела ты
Нужды смолоду,
Часто с злыми людьми
Насмерть билася.

То не служба была,
Только службишка;

Вот теперь сослужи
Службу крепкую.

Видишь: тучи несут
Гром и молнию,
При морях города
Загораются,

Все друзья твои врозь
Порассыпались.
Ты одна под грозой...
Стой, Русь-матушка!

Не дадут тебе пасть
Дети-соколы.
Встань, послушай их клик
Да порадуйся...

«Для тебя — все добро,
Платье ценное,
Наших жен кровь и жизнь,
Все для матери».

Пронесет бог грозу,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься!

Будет имя твое
Людям памятно,
Пока миру стоять
Богом сужено.

И уж много могил
Наших недругов
Порастет на Руси
Травой дикою!

1854

...Таков удел твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;
На грудах пепла вырастая,
Не в первый раз тебе стоять.

В борьбе с чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И над мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растут могилы...
Опять стоишь ты под грозой!
Но чую я, как крепнут наши силы,
И вижу я, как дети рвутся в бой...

Пусть огнедышащих орудий
Нам зевы медные грозят, —
Мы не закроем нашей груди
Гранитом стен и сталью лат.

Любовь к отчизне закалила
В неравных спорах наш народ, —
Вот сверхъестественная сила
И чудотворный наш оплот!

1855

Из стихотворения „На взятие Карса“.

А. ПЛЕЩЕЕВ
(1823 — 1893)

ОТЧИЗНА

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душе моей печальной;
Когда-то, в дни моей умчавшейся весны,
Манил меня чужбины берег дальний...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует все блестящие картины:
Я вижу свод небес прозрачно-голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платаны и оливы
Зовут меня под сень раскидистых ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух, среди житейских обольщений,
Еще не помышлял... И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня неожиданно посетила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далекой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрыты, колосья желтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы.

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы.

Вас понял я тогда; и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой—
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! Не пленишь ничем ты чуждый
взор...

Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

А. АНУХТИН
(1840 — 1893)

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ О СЕВАСТОПОЛЕ

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом;
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

В. БРЮСОВ
(1873 — 1924)

ВЛК ЗА ВЕКОВ

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли,
Чтоб осенью снежные выюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон:

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние прашуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше, тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

1906—1907

СТАРЫЙ ВОПРОС

(30 июля 1914 года)

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот народ часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Кто Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! Священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь, —
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь!

Россия! В злые дни Батые
Кто, кто монгольскому потоку
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингиз-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взора.
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Все впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

*Из сборника стихов 1919—
1920 годов „В такие дни“.*

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма;
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь!

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б, как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

*Из сборника стихов 1919—
1920 годов „В такие дни“.*

А. БЛОК
(1880 — 1921)

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь—стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: — Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за разнею обедней
Мила друга, светлая жена!

В. МАЯКОВСКИЙ
(1893 — 1930)

Мы —
Эдисоны
невиданных взлетов,
энергий
и светов.
Но главное в нас, —
и это
ничем не заслбнится, —
главное в нас,
это — наша
Страна советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце.

*Отрывок из стихотворения
„Мы“.*

1929

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

Дрянь адмиральская —
нан

и барон
шли

от шестнадцати
разных сторон.

Билась

советская
наша стража,
дни

грохотали
разрывом гранат.

Не для разбоя
битва зовет,
мы

защищаем
поля

и завод.
Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались

голодные,
в рвани

и вшах.
Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:

— Стой!
Били Деникина,

били
Махно, —
так же
любого
с дороги смахнем.
Хрустнул,
проломанный,
Крыма хребет.
Красная
крепла
в громе побед.
С вами
сливалось,
победу растя,
сердце
рабочих,
сердце
крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стомиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход
двинут
дивизии
Красных пехот.
Помня
принятие
красных присяг,
лава
Буденных
пойдет

на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад
красные
птицы
займут облака.
Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
армия
большевиков!

1928

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый движется.
Сдают паспорта,

и я
сдаю
мою
    пурпурную книжицу...
И вдруг,
    как будто
        ожогом,
            рот
скривило
    господину.
Это
    господин чиновник
        берет
мою красную кожу паспортину.
Берет —
    как бомбу,
        берет —
            как ежа;
как бритву
    обоюдоострую,
берет,
    как гремучую
        в 20 жал
змею
    двухметроворостую.
Моргнул
    многозначуще
        глаз носильщика,
хоть вещи
    снесет задаром вам.
Жандарм
    вопросительно
        смотрит на сыщика.

«сыщик
на жандарма.
С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть.
в слякотной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.
Я
планов наших
люблю громады,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая, —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома прорастают.
И планы,
что раньше
на станциях лбов

задерживал
нищенства тормоз,
сегодня
встают
из дня голубого,
железом
и камнем формясь.
И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!..
... Я
земной шар
чуть не весь
обошел,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей,
и того лучше.
Другим
странам
по сто.
История —
пастью троба.
А моя страна —
подросток,—

твои,
выдумывай,
пробуй!..
Радость прет.
Не для вас
уделить ли нам?!
Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

1927

Из поэмы „Хорошо“

СЛОВАРЬ

редких слов и выражений,
встречающихся в сборнике

Адмиралтейская игла — шпиль на здании адмиралтейства в Ленинграде.

Алкоран, коран — книга мусульманского закона.

Альпы — горы на юге Европы.

Армида — литературный персонаж в «Освобожденном Иерусалиме» итальянского поэта Тассо. Употребляется в переносном смысле для обозначения обольстительницы.

Арфа — музыкальный струнный инструмент.

Баскаки — татарские сборщики податей в древней Руси во времена татарского ига.

Бастион — пятиугольное укрепление внутри крепости.

Батый — татарский хан XIII века, основатель Золотой Орды.

Баян, Боян — пезец в древней Руси.

Беллона — богиня войны у древних римлян.

Бердыш — старинное оружие — топор с копьём.

Бивак, бивуак — расположение войск на

отдых или на ночлег в палатках, под открытым небом.

«Бодрый вождь» — М. И. Кутузов.

Бонапарт — Наполеон I Бонапарте (1769—1821), французский император, один из величайших полководцев. Организовал в 1812 году захватнический поход в Россию; был наголову разбит русскими войсками под предводительством Кутузова.

Борей — северный ветер.

Брань — война, битва.

Бриарей — сторукий великан.

Буг — река на юге Украины, впадающая в Черное море.

Варна — болгарский порт, в прошлом турецкая крепость на берегу Черного моря.

Варта — приток реки Одер, одной из главных рек в Германии.

Варяг — Варяги — название, которым обозначались в X—XII веках скандинавские народы.

Вече — в древней Руси народное собрание в городах для выбора князей, для объявления войны, для суда и расправы и т. д.

Византия, Византийская империя — восточная половина Римской империи.

Висла — река, протекает в Польше и Восточной Пруссии.

Владимир — князь. См. Святославов сын.

Ворисфен — Днепр.

Во сретенье — навстречу.

- Вотще — тщетно, напрасно.
Вран — ворон.
Выя — шея.
Галл — француз.
Геллеспонт — древнегреческое название Дарданельского пролива, соединяющего Мраморное море с Эгейским.
Генуэзец — житель итальянского города Генуя. В XIII веке на Черном море генуэзцы основали ряд торговых колоний.
Готф — швед.
Десница — правая рука.
Длань — рука.
Дубликат — копия какого-нибудь письменного документа.
Елисейские Поля — здесь обозначение бульвара или парка в Париже.
Жозефина — первая жена Наполеона I.
Зев — полость рта около гортани; употребляется иногда в смысле открытый рот, пасть.
Зевс — древнегреческий бог неба, громовержец.
Зиждешь — создаешь, строишь.
Иван-звонарь — колокольник Ивана Великого в московском Кремле.
Измаил — турецкая крепость на Дунае, считавшаяся неприступной. Взята Суворовым в 1790 году.
«Имемся во едино сердце» — то есть «будем единогодушны».
Инок — монах.
Кагул — река в Молдавии, приток Дуная.

- Здесь в 1770 году русские под командованием Румянцева одержали крупную победу над турками.
- Карл (XII) — шведский король. Крупный полководец. Разбит Петром I под Полтавой в 1709 году.
- Каста — общественная организация, строго замкнутая и дорожающая своими особенностями и преимуществами.
- Кастальский ток — в переносном смысле — вдохновение.
- Кесарь — царь Юлий Цезарь, великий римский полководец I века до нашей эры.
- Кивер — военный головной убор.
- Клико — марка, сорт шампанского.
- Колизей — огромный амфитеатр, сооруженный в древнем Риме для народных зрелищ.
- Колосс — статуя, значительно превосходящая своими размерами натуру. У древних греков славился бронзовый Колосс Родосский в 32 метра высотой. Здесь в смысле — великан.
- Колхида — древнее название Западной Грузии.
- Кольчуга — предохранительное вооружение для защиты туловища; род длинной рубахи, состоявшей из железных колец.
- Курган — могильный холм древних времен.
- Легион — высшая боевая единица римского войска.

- Леонид** — см. Термопильские герои.
- Лира** — старинный музыкальный струнный инструмент.
- Лирика** — поэзия чувств и настроений.
- Ловитва** — лов, ловля.
- Лях** — поляк.
- Мамай** — татарский хан, разбитый Димитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году.
- Марсово Поле** — площадь в Ленинграде, ныне площадь Памяти жертв революции.
- Медный всадник** — памятник Петру I в Ленинграде.
- Мемель** — город в северо-восточной Пруссии.
- Микула** — Микула Селянинович, богатырь, прославляемый в русских былинах.
- Мирт** — вечнозеленое южное растение.
- Мономах** — Владимир Мономах, киевский великий князь XII века.
- Музы** — богини искусств и наук у древних греков и римлян.
- Ньютон** — или Ньютон (1642—1727) — великий английский физик, астроном и математик, открывший закон всемирного тяготения.
- Непрядва** — река, приток Дона, опоясывающий с севера Куликово поле, на которой Димитрий Донской в 1380 году разгромил шедшего на Москву татарского хана Мамай.
- Нестор** — древний русский летописец.
- Нимфа**. — Нимфы — второстепенные богини

у греков и римлян; подразделялись на лесных (дриады), речных (наяды) и т. д.

Норд — север.

Обдоры — народ, живший на севере России.

Олег — русский князь IX века.

Олива — вечнозеленое южное дерево из семейства масличных. Ветвь оливы у поэтов является символом мира.

Орда Золотая — созданное Батыем (см.) татарское государство, расположенное по обеим сторонам нижней Волги; в течение трех веков (XIII—XV) властвовало над большинством русских княжеств.

Орлов А. Г. — победитель турок при Чесме (см.).

Оссиан — легендарный поэт.

«Отчизне враг» — в данном случае украинский гетман Мазепа, перешедший в 1708 году на сторону шведов.

Очаков — турецкая крепость, взятая Суворовым в 1788 году.

Паки — опять.

Паладин — рыцарь.

Пегас — в древнегреческой мифологии крылатый конь.

Перси — грудь.

Перуны — от слова «Перун», название бога грома и молнии у древних славян. Здесь «перуны» в смысле громовые удары, удары молний.

- Петров В. В. — поэт XVIII века.
- Петровский замок — Петровский дворец в Москве. Построен в 1775—1782 годах архитектором М. Ф. Казаковым.
- Печенеги — кочевой народ на юге России IX—X веков.
- Пинд — гора в Греции, где, по легенде древних греков, жили музы, богини искусств и наук.
- Платан — род деревьев; к этому роду относятся чинара и явор.
- Платон — знаменитый древнегреческий философ (427—347 гг. до нашей эры).
- Половцы — см. половчанин.
- Половчанин — половец. Половцы — народ, кочевавший в XI—XII веках в степях южной России.
- Понт — море.
- Порфира — отделанная горностаем длинная мантия пурпурового цвета, надеваемая монархами в торжественных случаях.
- Поэтика — теория художественной литературы.
- Прага, Польская — предместье Варшавы. Крепость, взятая Суворовым в 1794 году.
- Прегла — Преиль, река в Восточной Пруссии.
- «Пространная стена» — Китайская стена, протяжением до 2 400 километров, воздвигнутая в Северном Китае (постройка начата в 213 году до нашей эры) в ка-

честве оборонительного сооружения против вторжения воинственных кочевников.
Прут — река на юге Украины, приток Дуная.

Пря — распря, война.

Рачение — старание.

Редут — земляное укрепление с валом и рвом.

Рейн — река в Германии.

Рекла — сказала.

Реншильд — шведский фельдмаршал.

Римский Петр — собор св. Петра в Риме.

Розен, Шлиппенбах — шведы, генералы Карла XII.

Рок — судьба.

Румянцев — русский полководец. Успешно воевал против Пруссии в 1756—1763 годах и против Турции в 1768—1774 годах. См. Кагул.

Рымник — город в Валахии. Здесь Суворов одержал крупную победу в 1789 году. С 25-тысячным войском он наголову разбил 100-тысячную турецкую армию.

Саксоны — или саксонцы — жители Саксонии, одного из германских княжеств.

Сарматы — поляки.

Святослав — древний киевский князь X века, знаменитый своей воинственностью.

Святославов сын — князь Владимир, киевский великий князь. При нем на Руси было введено христианство (988 г.).

Семирамида — легендарная царица; «Семирамидой Севера» называли Екатерину II.

- Сена — река во Франции, на которой расположен Париж.
- Сергий — основатель Троицкого монастыря под Москвой. Один из сподвижников Димитрия Донского по освобождению Руси от татарского ига.
- Скальд — поэт, певец у древних скандинавов.
- «Сквозь степь и блата Петр прошел» — здесь имеется в виду персидский поход Петра в 1722 году.
- Скрижали — доски, на которых будто бы были, по библейскому преданию, начертаны заповеди еврейского пророка Моисея.
- Скиф, скифы — собирательное название степных народов, кочевавших в северном Причерноморье.
- Стезя — путь, дорога.
- Стогны — площадь, улицы в городе.
- Стяг — знамя.
- Сфинкс — загадочное для нас древнеегипетское каменное изображение льва. Сфинксы на Неве — с человеческой головой. В Ленинграде на Академической набережной установлены два сфинкса, привезенные из Египта.
- «Счастья баловень безродный» — то есть князь Меншиков, ближайший сподвижник Петра I, бывший пирожник.
- Таврида — Крым.
- Гамерлан — знаменитый монгольский завоеватель (1336—1405).

Термопильские герои — правильное «Фермопильские». Фермопилы — горное ущелье в Греции. В 480 году этот узкий проход геройски защищали против полчищ персидского царя Ксеркса 300 спартанцев во главе с Леонидом. Все они при этом погибли.

Торока́ — ремни у задней седельной луки.
«Трехнедельный удалец» — имеется в виду Наполеон I.

Тризна — поминки.

Тугарин — Змей Тугарин, фантастический враждебный образ в русских былинах.

Тщиться — напрасно стараться.

Тюльери — дворец в Париже.

Улея — река в Финляндии.

Фаэтон — герой древнегреческой легенды, сын Зевса (см.). Пытался править солнечной колесницей отца, но едва не сжег вселенную.

Фениксов костер. — Феникс — мифическая птица, по древнегреческим поверьям, сгорающая и возникающая из пепла обновленной.

Фольклор — народное творчество.

Фридерик (Фридрих II) — король прусский. Один из предшественников захватнической политики немецкого фашизма. Неоднократно был бит русскими войсками, которые после разгрома Фридриха под Кунерсдорфом в 1760 году заняли Берлин.

Хазары — древние народы, обитавшие на юге России.

Хартия — древняя рукопись в форме свитка.

Хариты — древнегреческие богини красоты.

Хина — Китай.

Хоругвь — стяг, знамя.

Царьград — Стамбул. Город в восточной части Балканского полуострова, прежняя столица Турции.

Цевница — свирель.

Цирцея — волшебница из древнегреческой мифологии.

Чад — дитя, ребенок.

Чесма — порт у западного берега Малой Азии, где в 1770 году русские под предводительством Алексея Орлова сожгли в морском сражении турецкий флот.

Чингиз-хан — знаменитый монгольский завоеватель XIII века.

Чухонцы — финны.

Шереметев, Брюс, Боур, Репнин — сподвижники Петра I.

Эвксин — Черное море.

Эдисон — знаменитый изобретатель, американец.

Ярем — то есть ярмо, иго.

СОДЕРЖАНИЕ

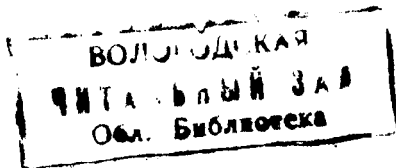
Ив. Розанов. Родина в русской поэзии (вступительная статья)	5
М. Ломоносов. Ода «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года». Огрывок	17
Ода «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748 года». Отрывки	17
Ода «На день тозоименитства Елисаветы Петровны, 1759 года, и на победы Ее, в сем году над Королем Прусским одержанные». Отрывки	19
Г. Державин. «На взятие Измаила». Отрывки	21
Ода «На мир 1807 года». Отрывки	22
«Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества». Отрывки	23
А. Радищев. «Бова». Отрывок	25
«Всеглас». Отрывок	26
И. Козлов. Сон ратника	28
В. Жуковский. «Певец во стане русских воинов». Отрывки	30
Русская слава	35
Д. Давыдов. Ответ	38
Песня	38
«Партизан». Отрывок	39
Ф. Глинка. Москва	42
«Ура!» Отрывки	44
К. Батюшков. К Дашкову	45
«Переход через Рейн». 1814. Отрывок	47
П. Вяземский. Степь	49
Масляница на чужой стороне	51
К. Рылеев. «Волинский». Отрывок	56
Димитрий Донской	57

А. Пушкин. «Воспоминания в Царском селе».	60
Отрывки	63
К Чаадаеву	63
«Руслан и Людмила» Отрывок	65
«Полтава». Отрывок	68
«Медный всадник». Вступление	71
«Евгений Онегин». Седьмая глава. Отрывок	73
Н. Языков. «Моя родина». Отрывки	74
Баян к русскому воину	76
Д. В. Давыдову	79
Ф. Тютчев. «Ужасный сон отяготел над нами...»	80
«Умом Россию не понять...»	80
Славянам	82
А. Полежаев. Иван Великий	84
К. Павлова. Москва	86
А. Кольцов. Военная песня	88
Е. Ростопчина. Посещая московскую оружей-	89
ную палату	91
Русскому народу	92
Н. Огарев. Прощанье с краем, откуда я не уез-	92
жал	94
«Год 1848». Отрывок	95
Искандеру	96
«Сторона моя родимая...»	96
М. Лермонтов. Два великана	100
«Сашка». Отрывок	102
Бородино	102
Родина	104
А. Толстой. «Край ты мой, родимый край!..»	106
«Змей Тугарин». Отрывок	108
А. Фет. Севастопольское братское кладбище	112
Н. Некрасов. «Саша». Отрывок	113
Школьник	115
«Несчастные». Отрывки	116
«Тишина». Отрывок	120
«Кому на Руси жить хорошо». Отрывок	124
И. Никитин. «Юг и север». Отрывки	125
Русь	127
«Уж как был молодец...»	129
«На взятие Карса». Отрывок	130
А. Плещеев. Отчизна	
А. Апухтин. Солдатская песня о Севастополе	
В. Брюсов. Век за веком	
Старый вопрос	

России	131
Нам проба	132
А. Блок. На поле Куликовом	134
В. Маяковский. «Мы». Отрывок	137
Десятилетняя песня	138
«Стихи о советском паспорте». Отрывки	140
«Хорошо». Отрывок	143
Словарь редких слов и выражений, встречающихся в сборнике	146

50

Редактор *М. Тюрин.*

Л79823. Подписано к печати 27.XII. 1943. Тираж 26 000.
5 печ. л. 5,5 уч.-изд. л. 44 000 знаков в печ. л.
Цена 2 руб. Заказ № 1679

Ф-ка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46.

Цена 2 руб.

Молодая Гвардия
1944